

УДК 159.9

EDN OFVLTY

<https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2022-4-3-281-293>

Научная статья

Эссенциализм в структуре интенсивного материнства у российских женщин

Ю. В. Мисиюк^{✉1}

¹ Костромской государственной университет, 156005, Россия, г. Кострома, ул. Дзержинского, д. 17

Сведения об авторе

Юлия Викторовна Мисиюк, SPIN-код: 8864-7078, ORCID: 0000-0003-3257-1978, e-mail: misiyk@ysmu.ru

Для цитирования: Мисиюк, Ю. В. (2022) Эссенциализм в структуре интенсивного материнства у российских женщин. *Психология человека в образовании*, т. 4, № 3, с. 281–293. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2022-4-3-281-293> EDN OFVLTY

Получена 4 апреля 2022; прошла рецензирование 16 мая 2022; принята 23 мая 2022.

Финансирование: Исследование выполнено в рамках государственного задания Минобрнауки России № FZEW-2020-0005.

Права: © Ю. В. Мисиюк (2022). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях [лицензии CC BY-NC 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Аннотация

В России, как и во всем мире, сложные динамические изменения современного общества предъявляют повышенные требования к родителям, ориентируя их на определенные воспитательные предпочтения и образовательные практики. Интенсивное материнство является одним из популярных стилей родительства, акцентирующим внимание на ключевой роли матери как «главного» родителя, — стандарт воспитания, с высокой степенью участия женщины. В контексте интенсивного родительства доминирующими являются убеждения эссенциализма: именно мать обладает врожденными навыками воспитания и способностями качественно заботиться о ребенке. При этом отцы рассматриваются сквозь призму некомпетентности и неспособности обеспечить ребенку необходимую заботу. В настоящей статье представлены результаты качественного исследования, полученного с помощью интерпретативно-феноменологического анализа (IPA) на основе метода полуструктурированного интервью с использованием русскоязычной версии «Опросника установок на интенсивное родительство» (Parenting Attitudes Questionnaire, IPAQ) (Liss, Schiffrin, Mackintosh et al. 2013). Выборка составила 18 женщин (N = 18), характеризующихся максимальным демографическим разнообразием, в возрасте 30–46 лет (M = 36,3), имеющих детей до 18 лет. В результате работы выделены феномены эссенциалистских установок в структуре интенсивного материнства российских женщин: (1) убежденность во «врожденном» преимуществе матери по сравнению с отцом в реализации воспитания ребенка (биологический детерминизм); (2) наличие культурных традиций эссенциализма, подробное содержание которых отражается в подтемах исследования. Отмечено влияние жизненного контекста, макродетерминант общества и социально-демографических характеристик женщин на устойчивость выраженности установок эссенциализма в контексте интенсивного материнства. Определенным маркером реализации эссенциалистских установок в семье выступает низкая вовлеченность мужчин в родительство. Одновременно в этом очевидна амбивалентность взглядов женщин на участие мужчин-партнеров в воспитании детей, проявляющаяся в идеях гендерного равноправия в развитии и становлении ребенка. Изучаемый ракурс проблематики и применяемый метод обеспечил углубленное исследование установок интенсивного родительства, выделив особенности его культурного контекста.

Ключевые слова: интенсивное материнство, родительство, воспитание, эссенциализм, отцовство, материнство

Research article

Essentialism in the structure of intensive motherhood in Russian women

Yu. V. Misiyk✉¹

¹ Kostroma State University, 17 Dzerzhinsky Str., Kostroma 156005, Russia

Author

Yulia V. Misiyk, SPIN: 8864-7078, ORCID: 0000-0003-3257-1978, e-mail: misiyk@ysmu.ru

For citation: Misiyk, Yu. V. (2022) Essentialism in the structure of intensive motherhood in Russian women. *Psychology in Education*, vol. 4, no. 3, pp. 281–293. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2022-4-3-281-293> EDN OFVLTU

Received 4 April 2022; reviewed 16 May 2022; accepted 23 May 2022.

Funding: The study was carried out as part of state-commissioned assignment of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. FZEW-2020-0005.

Copyright: © Yu. V. Misiyk (2022). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under [CC BY-NC License 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Abstract

Intensive motherhood is one of the popular styles of parenthood in Russia, emphasizing the key role of the mother as the “main” parent able to take good care of the child. At the same time, fathers are viewed through the lens of their inability to provide the required care for the child.

This article presents the results of a qualitative study obtained through interpretive-phenomenological analysis (IPA) based on a semi-structured interview method using the Russian-language version of the Parenting Attitudes Questionnaire (IPAQ) (Liss, Schiffrin Mackintosh et al. 2013). The sample comprised 18 women (N = 18), reflecting maximum demographic diversity, aged 30–46 (M = 36.3) with children under 18. The study identified the phenomena of essentialist attitudes in the structure of intensive motherhood among Russian women: (1) the belief in the “innate” superiority of the mother in comparison with the father in child rearing (biological determinism), and (2) the presence of cultural traditions of essentialism, the detailed content of which is reflected in the subthemes. The study also revealed the influence of life context, macrodeterminants of society and socio-demographic characteristics of women on the stability of expression of essentialism attitudes in the context of intensive motherhood. To a certain extent, low involvement of fathers in parenthood is a marker of essentialist attitudes in the family. At the same time, the study reveals that women have clearly ambivalent views on the participation of male partners in child rearing—the ambivalence is manifested in the ideas of gender equality in the development and formation of the child. The study employed the perspective and method which resulted in an in-depth analysis of the attitudes of intensive parenthood, highlighting the features of its cultural context.

Keywords: intensive motherhood, parenthood, education, essentialism, fatherhood, motherhood

Введение

Родительство как социально-психологический феномен отличается культурной изменчивостью и широким разнообразием реализации соответствующих ролей. При этом материнство и отцовство является важной составляющей идентичности взрослого субъекта. Современные социокультурные трансформации семьи, где просматривается тенденция к уменьшению количества детей с увеличением внимания к ребенку и его раннему развитию, требуют от родителей более интенсивных приемов воспитания, делая родительство довольно сложным, прежде всего, для матерей, что подчеркивает актуальность проблемы психологического благополучия женщин в материнстве. В частности,

определенные формы родительства можно рассматривать как важнейший фактор психологического здоровья и удовлетворенности жизнью, определяющий устойчивость внутрисемейных отношений и оказывающий влияние на развитие детей. Опираясь на традиции внутрисемейного разделения труда, в России, как правило, именно матери «назначаются» на роль родителя, интенсивно вовлеченного в воспитание, в то время как задачей отца нормативно остается финансовое обеспечение семьи (Исупова 2018). Данные тенденции отражаются в популярной сегодня идеологии интенсивного материнства. Осмысление данного типа родительского поведения дополняет актуальные исследования в области психологии семьи, в особенности научный дискурс по проблематике материнства

в России: Я. М. Акинкина, З. Е. Дорофеева, О. Г. Исупова, К. Н. Поливанова, Е. В. Сивак и др. (Акинкина 2020; Дорофеева 2021; Исупова 2018; Поливанова 2015; Сивак 2019).

Современные женщины с выраженными установками интенсивного родительства чувствуют давление, заставляющее их следовать культурным стандартам воспитания с высокой степенью участия и заботы о детях. Подобного рода особенности функционирования семьи и методы воспитания оказывают огромное влияние на развитие, здоровье и благополучие детей (Nelson, Kushlev, Lyubomirsky 2014), отражаются на особенностях самовосприятия и удовлетворенности родительство матерью и определяют эмоциональные последствия переживания трудностей родительства.

Таким образом, тенденции родительства в России демонстрируют противоречивые требования к женщинам: с одной стороны, набирает популярность пришедшая с Запада идеология интенсивного материнства (Поливанова 2015), а с другой стороны, «сохраняются консервативные тенденции в представлениях о родительстве и традиционные ценности» (Исупова 2018, 182) в разделении обязанностей по уходу за ребенком между партнерами, обусловленные особенностями менталитета. Подобная неоднозначность социокультурных требований к женщине подводит к необходимости изучения установок эссенциализма в контексте интенсивного материнства и связи их выраженности со степенью вовлеченности мужчины-партнера в воспитание. Целью данной работы выступает изучение содержания установок интенсивного материнства у российских женщин, акцентирующих эссенциализм.

Теоретический обзор современного состояния проблемы

Интенсивное материнство («intensive mothering») — это модель родительского поведения женщины, предполагающая вклад ее ресурсов (когнитивных, эмоциональных, временных, материальных, финансовых и проч.) в развитие и воспитание ребенка (Акинкина 2020; Neys 1998). Догматы убеждений интенсивного материнства включают установки о том, что воспитание детей — это, в первую очередь, обязанность матери, преимущественно ориентированной на ребенка, в реализацию которой женщины вкладывают все свое свободное время и прилагают много усилий (трудности родительства). В данной модели родительства доминирует тенденция воспитания, описываемая

А. Ларро в терминах «ребенок как проект», делающая акцент на всестороннем развитии детей и когнитивной стимуляции с самого раннего возраста для формирования «конкурентоспособности» ребенка в будущем. В результате в жизни детей часто преобладает организованная деятельность, созданная и контролируемая родителями, преимущественно матерями. Детоцентрированность этого стиля родительства предполагает чуткое (а зачастую и опережающее) реагирование на потребности и желания детей, что предъявляет высокие требования к родителям, требующие жертвовать собственным временем и интересами ради детей. Несмотря на это материнство приносит женщине эмоциональное удовлетворение и является частью ее личности и важной сферой жизни. В контексте интенсивного материнства родительский опыт является одним из самых эмоционально вознаграждаемых в жизни женщины и требует, чтобы эмоциональные потребности матерей полностью удовлетворялись их детьми (Neys 1998).

Сущность интенсивного материнства сосредоточена на идее, что воспитание ребенка — это преимущественно материнская обязанность. Именно женщина по праву пола является «основным» родителем, способным качественно заботиться о ребенке, и несет ответственность за его развитие. Мужчина-отец выступает важным участником воспитательного процесса, однако без помощи и руководства со стороны женщины он не способен справиться с ним самостоятельно. Данная установка в западноевропейских работах обобщена понятием «эссенциализм» (*essential* — неременный, обязательно существующий). Основанием подобных взглядов выступает господство биологического детерминизма к родительской роли, констатирующего наличие биологически и психологически обусловленных врожденных качеств женщин и мужчин, которые лежат в основе различий в реализации родительства (Пушкарева 2014). В теориях феминизма гендерный эссенциализм обычно отождествляется с теми характеристиками, которые считаются специфически женскими. В частности, воспитание детей трактуется как источник самореализации женщины (Grosz 2010). «Материнская забота и привязанность к ребенку настолько глубоко заложены в реальных биологических условиях зачатия и вынашивания, родов и кормления грудью, что только очень сложные социальные установки могут полностью подавить их», — пишет М. Мид (Мид 1988, 311).

Ограниченность эссенциалистского подхода к трактовке родительства лишь в понимании

биологически детерминированного эссенциализма не раскрывает в полной мере идеологию интенсивного родительства, где родительскую заботу в большей мере проявляют матери, а отцы воспринимаются добытчиками. Эти идеи формируют установки, обусловленные менталитетом и культурными традициями родительства в России — *культурные традиции эссенциализма*. Это идея о том, что субъекты являются пассивными носителями своей культуры, в силу чего их взгляды, убеждения и достижения должны отражать типичные культурные модели, принятые и разделяемые в ней (Verkuuten, Brug 2004). В данном контексте актуальной проблематикой исследований становятся «культурноспецифические особенности того, как универсальные компоненты социальных представлений о материнстве преломляются в конкретной культуре, поскольку материнство представляет собой систему социальных отношений, выходящих за пределы семьи в более широкий социальный и культурный контекст» (Микляева, Румянцева 2018, 70).

Социокультурные изменения общества последние тридцать лет меняли представления о родительстве, структуру гендерных отношений мужчины и женщины о представлениях в распределении ролей в семье. Безусловно, выраженность установок эссенциализма неразрывно связана со статусом мужчины в семье и его вкладом в процесс воспитания. Интенсификация материнской заботы содействует ограничению отцовской роли, а родительство сводится к материнству. Исследования подтверждают, что матери оказывают влияние на степень участия отца в жизни их детей: вклад отцов в родительство и осуществление отцовской опеки сдерживается убеждениями женщин в собственном превосходстве в воспитании (McBride, Brown, Bost et al. 2005). Подобное поведение характеризуется как «материнское сторожевое охранение» ребенка, подразумевающее усиленный материнский контроль над ним и ограничение участия отца в воспитании посредством использования женщиной сочетания контролирующего, стимулирующего, императивного и рестриктивного поведения. Иными словами, выраженность эссенциалистских убеждений со стороны женщины «вытесняет» отца из процесса воспитания ребенка. Позиция матери на основе убежденности в собственном родительском преимуществе приводит к негативному эмоциональному отношению отцов к родительству. Таким образом, идеализация матерью своей родительской роли связана с меньшей вовлеченностью отца в воспитание (Soylu Yalcinkaya, Estrada-Villalta, Adams 2017).

Организация и методы исследования

Процедура и методы

Для раскрытия эссенциалистских установок в выборке российских женщин использован метод полуструктурированного интервью с помощью русскоязычной версии «Опросника установок на интенсивное материнство» (Parenting Attitudes Questionnaire, IPAQ (Liss, Schiffrin, Mackintosh et al. 2013).

В ходе интервью респондентам было предложено высказаться о субъективном понимании 25 вопросов-утверждений, опираясь на собственные повседневные материнские практики, жизненный и родительский опыт. Стоит подчеркнуть, что данная статья фокусируется на шкале эссенциализма, представленной следующими утверждениями (в качестве примера): «И отцы, и матери одинаково хорошо способны заботиться о детях»; «Хотя у отцов и благие намерения, они проигрывают матери в умении заботиться/воспитывать ребенка»; «Независимо от возраста, дети больше нуждаются в матери, чем в отце»; «Именно мать ответственна за то, какими вырастают дети»; «Мужчины не осознают, что растить детей — трудное занятие, требующее навыков и обучения» и пр.

Согласно инструкции, испытуемые оценивают степень согласия с утверждением по 6-балльной шкале Лайкерта, объясняя вариант ответа, опираясь на свой жизненный опыт. Исследователь поддерживает процесс «размышления вслух» и, в случае необходимости, стимулирует его дополнительными вопросами: «Как Вы пришли к этому ответу?», «Примерьте подобную ситуацию на себя» и т. д. В ходе работы допускались спонтанные вопросы интервьюера для уточнения и раскрытия информации. С разрешения респондентов использовалась аудиозапись разговора с последующим транскрибированием текста. Протоколы интервью были подвергнуты литературной коррекционной правке. Интервью проводилось с письменного согласия участников в строгом соответствии с политикой конфиденциальности (имена участниц вымышленные). Сбор эмпирического материала осуществлялся с 2020 по 2022 год.

Полученные данные обрабатывались с помощью *интерпретативного феноменологического анализа* (IPA) (Pietkiewicz, Smith 2014). Данный метод предполагает работу со стенограммой интервью, выделением в ней доминирующих тематик, логических связей между ними и их последующей группировкой в более общие

категории феноменов. Выявление феноменов не связано с количеством участников, сообщивших о конкретной проблеме, а основывается на основе логических преимуществ в протоколе.

Участники исследования

Выборка составила 18 женщин ($N = 18$) в возрасте 30–46 лет ($M = 36,3$) с детьми до 18 лет. Респонденты выборки отражают максимальное демографическое разнообразие российских женщин, количество участников интервью опирается на идеи *насыщенности категорий*

(*category saturation*). Отметим, что численность выборки является преднамеренной, поскольку в соответствии с принципами ИРА важность и актуальность результатов зависит от вербального богатства полученных нарративов.

Респонденты являются представительницами Центрального федерального округа РФ (Москвы, Санкт-Петербурга, Ярославля, Ярославского района).

Социально-демографические характеристики выборки представлены в таблице 1.

Табл. 1. Социально-демографический профиль участниц интервью

Респондент / Имя	Возраст	Семейное положение	Количество и возраст детей	Образование	Занятость
Р.1. (О.) г. Ярославль	31	Замужем	1 (4 г.)	Высшее	Банковская сфера
Р.2. (Н.) г. Москва	40	Разведена	2 (17 л., 12 л.)	Высшее	Государственная служба
Р.3. (Я.) г. Ярославль	37	Замужем	2 (12 л., 10 л.)	Средне-проф., Высшее	Государственная служба
Р.4. (Л.) г. Ярославль	46	Вдова	2 (22 г., 10 л.)	Высшее	Школьный психолог
Р.5. (В)** г. Ярославль	42	Замужем	2 (13 л., 8 л.)	Высшее	Бухгалтер
Р.6. (Ю.) г. Ярославль	36	Замужем	2 (13 л., 7 л.)	Высшее	Домохозяйка
Р.7. (Т.) г. Ярославль	34	Замужем	1 (5 л.)	Высшее	Оператор (логистика)
Р.8. (Е.) г. Ярославль	36	Замужем	2 (7 л., 9 мес.)	Неоконч. высшее	Декретный отпуск
Р.9. (И.)* г. Ярославль	44	Замужем	5 (15 л., 11 л., 5 л., 3 г., 1,5 г.)	Средне-проф.	Продавец-кассир
Р.10. (Г.) г. Ярославль	36	Разведена	1 (13 л.)	Несколько высших	Юрист
Р.11. (К.) г. Ярославль	31	Разведена	2 (8 л., 2 г.)	Высшее	Врач-стоматолог
Р.12. (С.) г. Ярославль	34	Мать-одиночка***	1 (11 л.)	Высшее	Директор ИТ-компании
Р.13. (Р.)* г. Ярославль	31	Замужем	1 (11 мес.)	Средне-проф.	Косметолог
Р.14. (А.) Ярославский р-н, д. Бор	39	Замужем	2 (9 л., 6 л.)	Среднее	Уборщица
Р.15. (М.) г. Санкт-Петербург	32	Замужем	1 (3 г.)	Высшее	Специалист отдела сопровождения

Таблица 1. Продолжение

Р.16. (Д.) <i>г. Ярославль</i>	34	Замужем	1 (5 л.)	Высшее	Наука, преподавание
Р.17. (З.) <i>г. Звенигород, МО</i>	34	Замужем	2 (12 л., 5 л.)	Средне-проф.	Домохозяйка
Р.18. (Ш.) <i>г. Ярославль</i>	38	Замужем	2 (10 лет, 4 года)	Высшее	Государственная служба

Примечание: * — Муж в официальном отпуске по уходу за ребенком до трех лет; ** — Семья с ребенком-инвалидом; *** — Социальный статус женщины, закрепленный законодательно, т. е. это женщина, которая не была замужем, у ребенка не указан отец. Пользуется социальной поддержкой государства.

Table 1. Socio-demographic profile of the interviewees

Respondent / Name	Age	Marital status	Number and age of children	Education	Job
R.1 (O.) <i>Yaroslavl</i>	31	Married	1 (4 yrs.)	Higher	Banking sector
R.2 (N.) <i>Moscow</i>	40	Divorced	2 (17 yrs.; 12 yrs.)	Higher	Government service
R.3 (Ja.) <i>Yaroslavl</i>	37	Married	2 (12 yrs.; 10 yrs.)	Secondary vocational, Higher	Government service
R.4 (L.) <i>Yaroslavl</i>	46	Widowed	2 (22 yrs.; 10 yrs.)	Higher	School psychologist
R.5 (V.)** <i>Yaroslavl</i>	42	Married	2 (13 yrs.; 8 yrs.)	Higher	Accountant
R.6 (Y.) <i>Yaroslavl</i>	36	Married	2 (13 yrs.; 7 yrs.)	Higher	Housewife
R.7 (T.) <i>Yaroslavl</i>	34	Married	1 (5 yrs.)	Higher	Operator (logistics)
R.8 (E.) <i>Yaroslavl</i>	36	Married	2 (7 yrs.; 9 mos.)	Higher (not completed)	Maternity leave
R.9 (I.)* <i>Yaroslavl</i>	44	Married	5 (15 yrs.; 11 yrs.; 5 yrs.; 3 yrs.; 1,5 yrs.)	Secondary vocational	Sales clerk
R.10 (G.) <i>Yaroslavl</i>	36	Divorced	1 (13 yrs.)	Several higher degrees	Lawyer
R.11 (K.) <i>Yaroslavl</i>	31	Divorced	2 (8 yrs.; 2 yrs.)	Higher	Dentist
R.12 (S.) <i>Yaroslavl</i>	34	Single Mother***	1 (11 yrs.)	Higher	Director of an IT company

Table 1. Completion

R.13 (R.)* Yaroslavl	31	Married	1 (11 mos.)	Secondary vocational	Cosmetologist
R.14 (A.) Yaroslavl district, Bor v.	39	Married	2 (9 yrs.; 6 yrs.)	Secondary	Cleaner
R.15 (M.) St. Petersburg	32	Married	1 (3 yrs.)	Higher	Support Specialist
R.16 (D.) Yaroslavl	34	Married	1 (5 yrs.)	Higher	Science, teaching
R.17 (Z.) Zvenigorod	34	Married	2 (12 yrs.; 5 yrs.)	Secondary vocational	Housewife
R.18 (Sh.) Yaroslavl	38	Married	2 (10 yrs.; 4 yrs.)	Higher	Government service

Note: *—Husband is on official paternity leave to care for a child under the age of three; **—Family with a disabled child; ***—A social status that is defined by Russia's legislation: a single mother is a woman who has not been married and whose child has no registered father. Single mothers are entitled to social benefits.

Результаты и их обсуждение

Анализ протоколов интервью выявил ряд феноменов, связанных с установками эссенциализма, позволяющих отследить их выраженность в структуре менталитета российских женщин. К ним относятся идеи биологического детерминизма и специфические культурные традиции эссенциализма, раскрывающие представления о традиционном распределении функций отца и матери в семье. Разберем их детально.

В структуре установок интенсивного родительства **идеи биологически обусловленного эссенциализма** представлены достаточно широко и отражают глобальные тенденции в сфере семьи и брака: мать — главный родитель, и только она способна качественно заботиться о ребенке. Подобные идеи раскрываются тремя темами и иллюстрируются следующим высказываниями:

1. *Физиологические преимущества женщин в вопросах материнства.*

Делается акцент на трудностях родительской роли: с воспитанием детей лучше всего справляются матери, так как они обладают «родительской интуицией», присущей только им по праву пола, упоминаются такие «врожденные» материнские характеристики, как инстинкты,

физиологические преимущества женщины, содействующие этому:

«Именно мать дает жизнь человеку, поэтому, материнство ... [пауза] идет на уровне генетики. Женщины обязаны быть лучшим родителем по сравнению с мужчинами в соответствии со своей природой и своей сущностью. Это должно быть заложено в них с момента их рождения» (Я., 37 л., замужем, сыновья 12 и 10 л.);

«Материнство обусловлено природой, является естественным и предопределенным. Не может отец дать все (например, грудное вскармливание). Моменты близости, которые возникают между ребенком и матерью после его рождения, не доступны мужчине» (Р., 31 г., замужем, дочь 11 мес., муж в декретном отпуске).

2. *Неспособность мужчин качественно заботиться о ребенке.*

В контексте интенсивного материнства отцы воспринимаются как люди с хорошими намерениями, но в целом некомпетентные и неспособные обеспечить ребенку необходимую заботу: *«Я считаю, что у женщины родительский инстинкт развит намного лучше, чем у мужчины. Отцы не желают ребенку чего-то плохого, но в них родительские чувства не заложены, это материнское начало» (Г., 36 л., разведена, сын 13 л.).*

При этом воспитательные практики мужчин являются результатом научения и формируются постепенно: *«Изначально у мужчин нет родительских чувств. Возможно, они формируются позже. [...] Возвращаясь к вопросу физиологии, мужчина совершенно не понимает процесс появления ребенка на свет, тех эмоций, которые испытывает женщина, когда вынашивает его. Поэтому мужчине приходится привыкать, узнавать свое дитя»* (О., 31 г., замужем, дочь 4 г.).

3. Вклад отца в воспитание как дополнение к материнской заботе.

Женщины с установками интенсивного материнства подтверждают необходимость отца в воспитательном процессе и считают их вклад существенным, но лишь дополняющим материнскую заботу. При этом важное внимание уделяется гендерным аспектам эссенциализации различий воспитания между мальчиками и девочками. Предполагается, что забота отца и матери различна и имеет особое значение с учетом пола ребенка: *«Я увидела, что мой муж иначе, чем я, заботится о ребенке. Каждый раз, когда я его прошу сделать что-то, он делает все совершенно по-другому. Сначала меня это раздражало, мне казалось это небезопасным и несвоевременным. Но потом я поняла, что это просто особенная забота мужчин, вот так проявляется их любовь. Это то, что я не могу дать ребенку. Моя забота и любовь — другие по содержанию и форме проявления, и их недостаточно, чтобы сын вырос мужчиной»* (Д., 34 г., замужем, сын 5 л.).

«Для папы всегда интереснее сын, потому что сын — это продолжение его рода. Правда, есть и такие папы, для которых не важен пол ребенка, они все равно себя полностью посвящают ему» (Ю., 36 л., замужем, дочь 13 л., сын 7 л.).

Таким образом, идеи биологически детерминированного эссенциализма являются достаточно распространенными среди российских женщин и имеют устойчивый характер; они могут быть выраженными вне зависимости от семейного положения женщины, количества и возраста детей, занятости матери. Одновременно с этим прослеживаются идеи совместного воспитательного воздействия для гармонизации личности ребенка, усиливающиеся в большей степени при воспитании мальчиков, чем девочек.

Культурные традиции эссенциализма проявляются в типичных представлениях женщин о роли мужчин в семье, их вовлеченности в вопросы воспитания и заботу о детях в усло-

виях социальной политики и российского менталитета в контексте интенсивного материнства, раскрываются в следующих темах:

1. **Гендерная асимметрия: материнство как традиционно женская обязанность.**

Традиционализация распределения семейных обязанностей по гендерному типу связывает мужскую роль с финансовым обеспечением семьи, а уход и воспитание детей представляются материнской обязанностью, где женщина несет основную нагрузку по уходу и воспитанию ребенка в связи с фактической отстраненностью мужчин. В данном случае наблюдается выраженность гендерной асимметрии в приватной (семейно-бытовой) сфере функционирования общества и семьи в частности:

«Мне очень сложно себе представить, чтобы отец, который целый день работал, пришел домой и был бы полностью погружен в дела ребенка и наш домашний быт. Мне также трудно вообразить себе мужчину, который целый день будет работать, а затем полночи сидеть с ребенком, у которого режутся зубки. Среди моих знакомых подобных историй, к сожалению, нет» (М., 32 г., замужем, работает, дочь 3 г.).

«Наш папа считает, что я сижу и ничего не делаю целыми днями, а воспитывать детей — это раз плюнуть, а он приходит с работы уставший. Я думаю, что большинство мужчин такого мнения: что женщины ничем в декрете не занимаются, а дети растут сами» (Е., 36 л., замужем, в декрете. Дочь 7 л., сын 9 мес.).

2. **Двойной вызов: совмещение материнства с рабочей занятостью.**

В современном обществе и в рамках отдельно взятой семьи роль добытчика является значимой как для мужчин, так и для женщин, однако, «материнство и роль “хранительницы домашнего очага” по-прежнему остается для российских женщин актуальной и приоритетной сферой самореализации» (Янак 2018, 126): *«Это российская особенность — все мы привыкли, что забота о детях ложится на плечи мам, начиная от рождения и в течение всей их жизни. Детский сад, школа, учеба, все-все, что связано с воспитанием ребенка, — это все я (смысл. — мама). Супруг чаще всего отвезти-привезти [членов семьи], тяжелую работу сделает по дому, но не более»* (В., 42 г., замужем, дочери 13 л., 8 л.).

Несмотря на традиционное распределение родительских обязанностей среди женщин и мужчин, нельзя не отметить, что современные социокультурные трансформации общества диктуют новые тенденции, в которых очевиден

двойной вызов женщине — со стороны семьи и детей и со стороны карьеры и работы (Поливанова 2015). Совмещение материнства с полной рабочей занятостью является нормой многих современных женщин. Однако идеология интенсивного родительства предполагает приоритет семьи над работой вне дома и другими жизненными ценностями. Культурные традиции эссенциализма на постсоветском пространстве пронизаны «отголосками» государственной гендерной политики советского общества, где «матери предписывалось отвечать за рождение и воспитание детей, за быт семьи, нести на себе весь домашний труд и, помимо этого, материально поддерживать семью» (Айвазова 2011, 119) собственным денежным вкладом. «Женщина изначально на себя многое в семье взяла, вот так и пошло. А сейчас еще такая тенденция, что женщина и работает усиленно, так она на себя еще и берет ответственность за финансовое обеспечение семьи. Женщины сами взяли на себя такую ответственность, что они лучше во всем» (К., 31 г., разведена, дочери 8 л., и 2 г. Вышла на работу, когда младшему ребенку было 2 мес.).

3. Амбивалентность материнских установок.

Несмотря на то, что традиционно в российском менталитете основную ответственность по уходу и воспитанию детей выполняют матери, следует отметить тенденцию в отдельных семьях к гендерному равенству супругов в вопросах распределения родительских функций. Многие респонденты указывали, что желают видеть отцов не только в роли кормильца, но и хотели бы большей вовлеченности партнеров, эмоциональной и физической доступности отца для детей, по-прежнему считая себя лучшими в этой роли.

«Не только мама должна заботиться о детях, отец тоже должен участвовать в воспитании детей, особенно мальчиков. Но муж не успевает заботиться о своих детях. Вся ответственность, все воспитание лежит на мне» (А., 39 л., замужем, сыновья 9 и 6 л.).

«Мой муж полностью способен заниматься детьми (смеется), но не хочет. Дети, они привыкли, что это делает мама, а папа зарабатывает, а затем дома, придя с работы, отдыхает. Мне хочется, чтобы супруг больше участвовал в жизни нашей семьи» (З., 34 г., замужем, домохозяйка. Сын 12 л., дочь 5 л.).

При этом зачастую стремление женщин не поддерживается партнером в силу сложившихся практик взаимодействия в семье. Не все мужчины готовы проявлять себя в родительстве,

считая своей основной обязанностью обеспечение семьи. Подобное поведение мужчин может являться следствием убежденности женщин в собственном превосходстве в вопросах родительства: исследования показали, что убежденность матерей в своем превосходстве в воспитании детей приводят к подавлению уровня вовлеченности отцов (Gaunt 2006). Согласно А. Л. Янак, «важнейшим компонентом конструирования отцовской вовлеченности является материнское поведение, выражающее поощрение, навязывание или запрет отцовско-детских контактов» (Янак 2018, 128): «У нас [в России] женщины все берут на себя, и функцию по воспитанию детей. Зачем мужчине напрягаться там, где можно не напрягаться. Бывает так, что они [женщины] не умеют просить помощи, не умеют пользоваться помощью, все берут на себя. А зачем это делать мужчине, если у него есть жена, которая все это делает?» (А., 46 л., вдова, дочь 22 г., сын 10 л.).

Таким образом, женщины, опираясь на идеи эссенциализма и традиции отцовства в России, зачастую сами «выталкивают» супругов из отношений «родитель — ребенок», но при этом отмечают желание большего участия партнеров в процессах воспитания.

Женщины с выраженными установками эссенциализма выражали недовольство тем уровнем внимания, которое отцы уделяли детям, не имея возможности взаимодействовать с ними и обеспечивать полный уход. Демонстрируя амбивалентность в попытках получить больше помощи от своих партнеров-мужчин, они высказывали опасение, что дети пострадают от более низкого качества ухода. Например, одна мать сказала: «Женщина сама бразды правления берет в свои руки, а потом не то что бы страдает... но получает ответную реакцию в виде того, что отец не принимает участие... Женщины иногда просто «отпихивают» своих мужей сами, а потом, когда им нужна помощь, они этого не получают, потому что мужчина говорит: «Хорошо я тогда пойду зарабатывать деньги или посвящу время себе». Это происходит из-за женщин, мне кажется, в большей степени» (К., 31 г., разведена, дочери 8 л., и 2 г.).

4. Макродетерминанты родительских практик в российском менталитете.

Макродетерминанты эссенциализма матерей определяются условиями общественных отношений и сложившимися практиками родительских обязанностей женщин. В России государство стимулирует преимущественное участие матери в уходе за ребенком посредством длительного отпуска по уходу за ребенком: «У ребенка

с матерью какая-то внутренняя связь, и, наверное, сказывается то, что у нас в стране мать очень много времени (до 3 лет) уделяет ребенку, в течение которого эта связь крепнет» (Н., 40 л., разведена, сыновья 17 и 12 л.).

«Дети с рождения проводят больше времени с мамой, папа на работе, поэтому мама ближе к детям» (В., 42 г., замужем, дочери 13 л., 8 л.).

«Я думаю, если бы мужчины дольше сидели с детьми, то они были бы как мамы» (А., 39 л., замужем, сыновья 9 и 6 л.).

Следовательно, уверенность женщины в собственном доминировании и превосходстве в воспитании приравнивает родительство к материнству. Несмотря на то, что в России существуют меры государственной поддержки для мужчин, на законодательном уровне закрепляющие право на отпуск по уходу за ребенком до трех лет, пособия и пр., эта тенденция не очень распространена среди российских семей. В среднем за последние три года отпуск по уходу за ребенком оформляли не более 2% российских мужчин (Бобков, Гришина, Заварина и др. 2019). И чаще всего эта практика реализуется как «компенсаторный ресурс вследствие низкого заработка, уровня образования мужчины, выполнения им низкоквалифицированного или непрестижного труда, безработицы» (Янак 2018, 129). Позитивное отношение к отцовскому отпуску зависит «от активности мужчин в отцовской роли, качества отношений между супругами, включая уровень доверия в родительской диаде, рациональности и гибкости в распределении семейных обязанностей, специфики семейного социального капитала, молодости и открытости новому опыту» (Безрукова, Самойлова 2017, 121).

Интересным представляется опыт семьи с пятью детьми, в которой мужчина-партнер в настоящее время пребывает в официальном отпуске по уходу за ребенком до трех лет: «Я находилась в декрете, а муж работал. Потом сложилась такая ситуация, что у мужа были проблемы на работе, — его могли сократить, и мне пришлось выйти на работу, а муж заменил меня в хозяйстве и заботе о детях. Самому маленькому ребенку не было и полутора лет. Сначала я предложила эту идею, но муж ответил: “Нет, это не мое, я не справлюсь!”. Но потом мы решили, что попробуем».

Изначально роли в этой семье распределялись традиционно: мать — хранительница очага, отец — добытчик: «Когда я сидела в декрете, муж приходил и требовал порядка, чтобы все домашние дела были сделаны. И когда мы поменялись он мне говорит: “Я только сейчас понял, что зна-

чит быть постоянно с детьми, выполнять все те функции, которыми обычно занимается женщина”. Он сказал, что за день вообще ни разу не присел... Раньше он считал: “Ты же дома сидишь, это я работаю, деньги в дом приношу, а ты дома расслабляешься”. А потом, как в первый раз заменил меня, понял, что это. А вчера у него вообще был нервный срыв: “Все, полтора года ребенку будет — я выхожу на работу, я больше не могу, я морально устал, все! Целый день бегодня, проводи в школу, маленького накорми, памперс поменяй, поиграй, спать положи, погуляй”. В общем, мужчины, конечно, сильный пол, но мне кажется, что они слабее в плане ухода за детьми. Я сидела шесть лет, конечно, было тяжело, но я не жаловалась, а тут через три месяца: “Все, ухожу на работу”. Этот опыт, видимо, надо было пройти в нашей жизни, чтобы он прочувствовал, какой это труд. Мне кажется, большинство мужчин не понимают этих сложностей родительства» (И., 44 г., замужем, работает, муж в декрете. Сыновья: 15 л., 11 л., 5 л., 3 г., 1,5 г.).

Можно сделать предположение о нереализованном потенциале родительства у современных отцов, поскольку на практике лишь единицы имеют возможность погрузиться в данный опыт. Вместе с тем не все женщины согласны поменяться ролями: результаты социологического исследования 2017 года выявляют, что 42% родителей являются сторонниками отцовского отпуска, при этом не согласны с таким распределением ролей чаще матери (61,1% против 45,3%), в то время как отцы в большей степени разделяют эти убеждения (49,5% против 34,5%) (Безрукова, Самойлова 2017). Контрастным представляется опыт скандинавских мужчин, в которых отцовский отпуск — обыденное явление. Согласно статистике, в 2018 году отцовская доля в родительском отпуске составила в Норвегии — 19%, в Исландии и Швеции — 29%. 80% пап в Северной Европе сегодня разделяют с партнершей декретный отпуск (Gíslason, Símonardóttir 2018). При активном участии отцов в уходе за своими детьми в парах с равным распределением обязанностей оба партнера говорят, о том, что их отношения меняются в лучшую сторону.

Высказывание одной из респонденток наглядно раскрывает причины низкой вовлеченности партнеров-мужчин в уход за детьми: «Мужчины скорее всего знают, что делать с детьми, просто они еще этого не умеют. Может, потому что мы им не даем?» (Е, 36 л., замужем, в декрете. Дочь 7 л., сын 9 мес.). Отцовская вовлеченность в уход за детьми

и выполнение повседневных домашних обязанностей наравне с женщиной является скорее вынужденной для российских мужчин: «Я считаю, что дети нуждаются в обоих родителях: и в папе, и в маме. Но бывают такие ситуации в жизни, когда мать не может заботиться о своих детях, в этом случае отец сможет ее заменить, хотя и не способен в полной мере дать той ласки и тепла, которую дарит мать» (С., 34 г., мать-одиночка, сын 11 л.).

Установки гендерного равноправия в родителстве выражаются в контексте потенциальной или вынужденной возможности отцов быть «хорошими» родителями и важности составляющей мужской части воспитания как дополняющей материнскую.

Заключение

В результате проведенного исследования можно сделать следующие *выводы*:

- 1) Анализ результатов позволил выделить основные идеи эссенциализма в структуре интенсивных родительских установок российских женщин, которые не ограничиваются лишь представлениями о врожденных преимуществах матери как главного лица, осуществляющего уход за ребенком (биологического детерминизма), а также представлены культурными традициями эссенциализма.
- 2) Выдвинуто предположение о том, что у женщин выраженность биологически детерминированных эссенциальных установок имеет устойчивый характер вне зависимости от их жизненного контекста и социально-демографических характеристик. Культурно обусловленные установки эссенциализма опираются на традиции родительских практик в российском менталитете и более зависимы от особенностей социальной политики общества в области материнства и детства.
- 3) Нашла подтверждение гипотеза о наличии взаимной связи между выраженностью эссенциалистских установок матери и отцовским поведением: убежденность женщин в наличии качеств, обеспечивающих им преимущество в выполнении

родительских функций и материнский контроль связаны с низкой отцовской вовлеченностью в родительство. В этом контексте роль отца рассматривается как второстепенная и менее значимая. Отцовская вовлеченность в уход за детьми и выполнение повседневных домашних обязанностей наравне с женщиной является скорее вынужденной для российских мужчин. Ситуация отсутствия социальной поддержки со стороны партнера может снижать удовлетворенность материнством и выступать фактором снижения психологического здоровья женщин.

- 4) Отмечается амбивалентность взглядов женщин с выраженными установками эссенциализма в отношении участия отцов в воспитании, которая заключается в констатации ненадлежащего «качества» ухода за детьми со стороны мужчины-партнера и одновременно потребностью в их большем соучастии, помощи и эмоциональной вовлеченности в жизнь семьи.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest

The author declares that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Соответствие принципам этики

Автор сообщает, что при проведении исследования соблюдены этические принципы, предусмотренные для исследований с участием людей и животных. Исследование одобрено этическим комитетом ЯГМУ (протокол №47 от 29.06.2021).

Ethics Approval

The author reports that the study complied with the ethical principles provided for research involving humans and animals. The YSMU Ethics Committee (protocol No. 47 of 29 June 2021) approved the study.

Литература

- Айвазова, С. Г. (2011) Контракт «работающей матери»: нарушения или расторжение? (К вопросу об особенностях гендерной политики в современной России). *Женщина в российском обществе*, № 3, с. 13–22.

- Акинкина, Я. М. (2020) Понятие «интенсивного родительства» в зарубежной литературе. *Современная зарубежная психология*, т. 9, № 2, с. 117–122. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2020090210>
- Безрукова, О. Н., Самойлова, В. А. (2017) Отцовский отпуск в России: мечты или реальность? *Социологические исследования*, № 7, с. 116–125. <https://doi.org/10.7868/S0132162517070133>
- Бобков, В. Н., Гришина, Е. Е., Заварина, Е. С. и др. (2019) Социальное положение и уровень жизни населения России. В кн.: К. Э. Лайкам, Е. Б. Фролова (ред.). *Статистический сборник Росстат*. М.: Росстат, с. 160–169.
- Дорофеева, З. Е. (2021) Особенности интенсивного родительства в высокоресурсных многодетных семьях. *Интеракция. Интервью. Интерпретация*, т. 13, № 1, с. 89–105. <https://doi.org/10.19181/inter.2021.13.1.4>
- Исупова, О. Г. (2018) Интенсивное материнство в России: матери, дочери и сыновья в школьном взрослении. *Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре*, № 3 (119), с. 180–189.
- Мид, М. (1988) Отцовство у человека — социальное изобретение. В кн.: *Культура и мир детства. Избранные произведения*. М.: Наука, с. 308–321.
- Микляева, А. В., Румянцева, П. В. (2018) «#Онажемать»: имплицитные социальные представления о материнстве в современном российском интернет-дискурсе. *Женщина в российском обществе*, № 1 (86), с. 67–77. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2018.1.6>
- Поливанова, К. Н. (2015) Современное родительство как предмет исследования. *Психологическая наука и образование psyedu.ru*, т. 7, № 2, с. 1–11. <https://doi.org/10.17759/psyedu.2015070301>
- Пушкарева, Н. Л. (2014) Материнство как социобиологическое явление: психология, философия, история. В кн.: *Запад-Восток. Научно-практический ежегодник. Вып. 7*. Йошкар-Ола: Марийский государственный университет, с. 103–118.
- Сивак, Е. В. (2019) Современная родительская культура и ее значение для взаимодействия родителей и педагогов. *Современное дошкольное образование*, № 1(91), с. 8–17.
- Янак, А. Л. (2018) Отцовская вовлеченность в семьях различных типов. *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки*, № 2 (50), с. 124–131.
- Gaunt, R. (2006) Biological essentialism, gender ideologies, and role attitudes: What determines parents' involvement in child care. *Sex Roles*, vol. 55, no. 7, pp. 523–533. <https://doi.org/10.1007/s11199-006-9105-0>
- Gíslason, I. V., Símonardóttir, S. (2018) Mothering and gender equality in Iceland: Irreconcilable opposites? *Social Policy and Society*, vol. 17, no. 3, pp. 457–466. <https://www.doi.org/10.1017/S1474746417000525>
- Grosz, E. (2010) The untimeliness of feminist theory. *NORA — Nordic Journal of Feminist and Gender Research*, vol. 18, no. 1, pp. 48–51. <https://doi.org/10.1080/08038741003627039>
- Heys, S. (1998) *The cultural contradiction of motherhood*. London; New Haven: Yale University Press Publ., 288 p.
- Liss, M., Schiffrin, H. H., Mackintosh, V. H. et al. (2013) Development and validation of a quantitative measure of intensive parenting attitudes. *Journal of Child and Family Studies*, vol. 22, pp. 621–636. <https://doi.org/10.1007/s10826-012-9616-y>
- McBride, B. A., Brown, G. L., Bos, K. K. et al. (2005) Paternal identity, maternal gatekeeping, and father involvement. *Family Relations*, vol. 54, no. 3, pp. 360–372. <https://doi.org/10.1111/j.1741-3729.2005.00323.x>
- Nelson, S. K., Kushlev, K., Lyubomirsky, S. (2014) The pains and pleasures of parenting: When, why, and how is parenthood associated with more or less well-being? *Psychological Bulletin*, vol. 140, no. 3, pp. 846–895. <https://doi.org/10.1037/a0035444>
- Pietkiewicz, I., Smith, J. A. (2014) A practical guide to using interpretative phenomenological analysis in qualitative research psychology. *Psychological Journal*, vol. 20, no. 1, pp. 7–14.
- Soylu Yalcinkaya, N., Estrada-Villalta, S., Adams, G. (2017) The (biological or cultural) essence of essentialism: Implications for policy support among dominant and subordinated groups. *Frontiers in Psychology*, vol. 8, article 900. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2017.00900>
- Verkuyten, M., Brug, P. (2004) Multiculturalism and group status: The role of ethnic identification, group essentialism and protestant ethic. *European Journal of Social Psychology*, vol. 34, no. 6, pp. 647–661. <https://doi.org/10.1002/ejsp.222>

References

- Ajvazova, S. G. (2011) Kontrakt “rabortayushchej materi”: narusheniya ili rastorzhenie? (K voprosu ob osobennostyakh gendernoj politiki v sovremennoj Rossii) [The contract of a “working mother”: Violations or termination? (To the question of the peculiarities of gender policy in modern Russia)]. *Zhenshchina v rossijskom obshchestve — Woman in Russian Society*, no. 3, pp. 13–22. (In Russian)
- Akinkina, Ya. M. (2020) Ponyatie “intensivnogo roditel'stva” v zarubezhnoj literature [The concept of “intensive parenthood” in foreign literature]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya — Journal of Modern Foreign Psychology*, vol. 9, no. 2, pp. 117–122. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2020090210> (In Russian)
- Bezrukova, O. N., Samojlova, V. A. (2017) Otsovskij otpusk v Rossii: mechty ili real'nost'? [Paternity leave in Russia: A dream or reality?]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 7, pp. 116–125. <https://doi.org/10.7868/S0132162517070133> (In Russian)

- Bobkov, V. N., Grishina, E. E., Zavarina, E. S. et al. (2019) Sotsial'noe polozhenie i uroven' zhizni naseleniya Rossii [Social status and standard of living of the population of Russia]. In: K. E. Lajkam, E. B. Frolova (eds.). *Statisticheskij sbornik Rosstat [Statistical book Rosstat]*. Moscow: Rosstat Publ., pp. 160–169. (In Russian)
- Dorofeeva, Z. E. (2021) Osobennosti intensivnogo roditel'stva v vysokoresursnykh mnogodetnykh sem'yakh [Intensive parenting in high-resource multi-child families]. *Interaktsiya. Interv'yu. Interpretatsiya — Interaction. Interview. Interpretation*, vol. 13, no. 1, pp. 89–105. <https://doi.org/10.19181/inter.2021.13.1.4> (In Russian)
- Gaunt, R. (2006) Biological essentialism, gender ideologies, and role attitudes: What determines parents' involvement in child care. *Sex Roles*, vol. 55, no. 7, pp. 523–533. <https://doi.org/10.1007/s11199-006-9105-0> (In English)
- Gíslason, I. V., Símonardóttir, S. (2018) Mothering and gender equality in Iceland: Irreconcilable opposites? *Social Policy and Society*, vol. 17, no. 3, pp. 457–466. <https://www.doi.org/10.1017/S1474746417000525> (In English)
- Grosz, E. (2010) The untimeliness of feminist theory. *NORA — Nordic Journal of Feminist and Gender Research*, vol. 18, no. 1, pp. 48–51. <https://doi.org/10.1080/08038741003627039> (In English)
- Heys, S. (1998) *The cultural contradiction of motherhood*. London; New Haven: Yale University Press Publ., 288 p. (In English)
- Isupova, O. G. (2018) Intensivnoe materinstvo v Rossii: materi, docheri i synov'ya v shkol'nom vzroslenii [Intensive motherhood in Russia: Mothers, daughters and sons in school growing up]. *Neprikosnovennyj zapas. Debaty o politike i kul'ture*, no. 3, pp. 180–189. (In Russian)
- Liss, M., Schiffrin, H. H., Mackintosh, V. H. et al. (2013) Development and validation of a quantitative measure of intensive parenting attitudes. *Journal of Child and Family Studies*, vol. 22, pp. 621–636. <https://doi.org/10.1007/s10826-012-9616-y> (In English)
- McBride, B. A., Brown, G. L., Bos, K. K. et al. (2005) Paternal identity, maternal gatekeeping, and father involvement. *Family Relations*, vol. 54, no. 3, pp. 360–372. <https://doi.org/10.1111/j.1741-3729.2005.00323.x> (In English)
- Mead, M. (1988) Otsovstvo u cheloveka — sotsial'noe izobrenenie [Fatherhood in humans is a social invention]. In: *Kul'tura i mir detstva. Izbrannye sochineniya [Culture and world of childhood. Selected works]*. Moscow: Nauka Publ., pp. 308–321. (In Russian)
- Miklyaeva, A. V., Rumyantseva, P. V. (2018) “#Onazhemat’”: implitsitnye sotsial'nye predstavleniya o materinstve v sovremennom rossijskom internet-diskurse [“#Sheisamother”: Implicit social beliefs about motherhood in the modern Russian Internet discourse]. *Zhenshchina v rossijskom obshchestve — Woman in Russian Society*, no. 1 (86), pp. 67–77. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2018.1.6> (In Russian)
- Nelson, S. K., Kushlev, K., Lyubomirsky, S. (2014) The pains and pleasures of parenting: When, why, and how is parenthood associated with more or less well-being? *Psychological Bulletin*, vol. 140, no. 3, pp. 846–895. <https://doi.org/10.1037/a0035444> (In English)
- Pietkiewicz, I., Smith, J. A. (2014) A practical guide to using interpretative phenomenological analysis in qualitative research psychology. *Psychological Journal*, vol. 20, no. 1, pp. 7–14. (In English)
- Polivanova, K. N. (2015) Sovremennoe roditel'stvo kak predmet issledovaniya [Parenting and parenthood as research domains]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie psyedu.ru — Psychological Science and Education PSYEDU. RU*, vol. 7, no. 2, pp. 1–11. <https://doi.org/10.17759/psyedu.2015070301> (In Russian)
- Pushkareva, N. L. (2014) Materinstvo kak sotsiobiologicheskoe yavlenie: psikhologiya, filosofiya, istoriya [Motherhood as a socio-biological phenomenon: Psychology, philosophy, history]. In: *Zapad-Vostok. Nauchno-prakticheskij ezhegodnik [West-East. Scientific and practical yearbook]*. Iss. 7. Yoshkar-Ola: Mari State University Publ., pp. 103–118. (In Russian)
- Sivak, E. V. (2019) Sovremennaya roditel'skaya kul'tura i ee znachenie dlya vzaimodejstviya roditelej i pedagogov [Modern parental culture and its importance with regard to interaction between parents and teachers]. *Sovremennoe doshkol'noe obrazovanie — Preschool Education Today*, no. 1 (91), pp. 8–17. (In Russian)
- Soylu Yalcinkaya, N., Estrada-Villalta, S., Adams, G. (2017) The (biological or cultural) essence of essentialism: Implications for policy support among dominant and subordinated groups. *Frontiers in Psychology*, vol. 8, article 900. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2017.00900> (In English)
- Verkuyten, M., Brug, P. (2004) Multiculturalism and group status: The role of ethnic identification, group essentialism and protestant ethic. *European Journal of Social Psychology*, vol. 34, no. 6, pp. 647–661. <https://doi.org/10.1002/ejsp.222> (In English)
- Yanak, A. L. (2018) Otsovskaya vovlechennost' v sem'yakh razlichnykh tipov [Father involvement in different types of families]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nye nauki — Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences*, no. 2 (50), pp. 124–131. (In Russian)